Я прошла в тренировочный зал и открыла «Железную деву», в чреве которой находился раб-мышонок.

«Разве я его туда помещала?», - попыталась вспомнить я.

Он испуганно посмотрел на меня и начал плакать и молить о пощаде. Фрейя, должно быть, наказала его за что-то прошлой ночью, пока я была занята и не заметила, что он сидел там.

В данный момент у меня не было планов для этого раба. Поэтому я заткнула ему рот кляпом и посадила в угол. Он казался сломленным. Сейчас он был готов к тому, чтобы привязаться к человеку, который проявил бы к нему хоть какую-то заботу. Ему нужен был хозяин, и я решила в ближайшее время передать его Ингрид.

Также я подумала о том, чтобы показать ему, что я могу быть нежным с женщинами. Это вызвало бы в его сознании желание быть женщиной ради такого внимания и привязанности. Его разум придерживался бы мнения, что быть мужчиной — значит подвергаться насилию, в то время как быть женщиной — значит быть осыпанным любовью. Это поставило бы его на место и сделало бы его собственный разум тюрьмой на всю жизнь. Я хихикнула, подумав об этом.

Мое хихиканье прозвучало в комнате, когда Никки встала передо мной на дрожащих ногах. Ее отчаяние росло по мере того, как она сама попадала в мои сети, чтобы подчиниться моим прихотям. Она была пленницей своих собственных желаний, которые я сформировала для нее.

"В этом мире так весело!" - подумала я, просматривая свой открытый шкаф с игрушками и думая о том, как я собираюсь начать тренировать эту игрушку.

Дело в том, что она также была могущественной женщиной, у которой под контролем была благородная семья. Она была проницательной женщиной, и до сих пор она знала, когда нужно остановиться. Мне нужно было, чтобы она все больше нуждалась во внимании, которое могу дать только я.

Эта тренировка должна была поразить ее подсознание, и у меня было только ограниченное время, чтобы сделать это. У меня было слишком много чертовых дел, и мне все еще нужно было обучить еще девять или десять рабов. Поэтому я не собиралась воспитывать ее долгое время.

И тут меня осенило. Я посмотрела на кожаную маску. В этом случае ее личность была бы скрыта. Ей нравилось быть униженной и приниженной. Мне же нравилось видеть, как она умоляет и делает то, чего другие в здравом уме не сделали бы. Я подумала, не будет ли эта маска для сенсорной депривации прекрасным вариантом?

Я колебалась, так как подумала, что мне нужно было бы что-то особенное для этой сучки, что позволило бы ей и видеть, и слышать. Но для начала можно поиграть и с этой депривационной маской.

Я с улыбкой протянула ей маску, и черная маска почему-то показалась ей пугающей.

"Никки, ты знаешь, что это за маска?" - спросила я ее, развязывая для нее завязки на спине.

"Нет, госпожа", - ответила она, когда ее глаза были прикованы к этой маске.

"Это моя маска для сенсорной депривации, Никки. Это для маленьких шлюшек и сучек вроде тебя. Маска закрывает твой мир для нескольких чувств, но усиливает другие чувства. Единственные отверстия в этой маске предназначены для дыхания через нос. Я также заткну тебе рот кляпом, чтобы ты перестала говорить, так как тебе не нужно говорить или соглашаться, потому что..." – я не закончила предложение, посмотрев на нее.

"Потому что я ваша сучка хозяйка, и мое мнение не имеет значения?", - закончила она, заработав мою счастливую улыбку.

"Так приятно видеть, что игрушка знает свое место. Теперь ты будешь в моей власти во всем, что я захочу с тобой сделать".

Немного повозившись с ее волосами, я надела маску и туго завязал ее. Она позволяла ей дышать, но она не могла слышать или видеть. В кляпе не было необходимости, но челюсть была одной из самых свободных областей, и это позволило бы ей говорить.

Теперь, когда она слепа, глуха и нема, она была бы податливой в моих руках, чтобы делать всё то, что я хочу. Она могла только нюхать и прикасаться. Я быстро связала ей руки, услышав при этом приглушенный стон. Я включила вибратор в поясе верности, заставив ее застонать в ответ. Ее ноги задрожали от дополнительной вибрации, когда я начала играть с ее телом. Я подвела ее к свободному месту и принесла цепи.

Я подцепила ее связанные руки, которые были у нее за спиной, и туго затянула их. Ее тело не могло двигаться, не вызывая боли. Теперь она была беспомощным объектом передо мной со своими упругими грудями, готовыми для меня, чтобы поиграть с ними.

Я собиралась познакомить ее с миром боли и удовольствия, смешанных до такой степени, что уже нельзя сказать, что именно вы испытали. Ее приглушенные попытки связаться со мной были подавлены под маской. Она, конечно, нервничала в такой непривычной обстановке и

вздрагивала от волнения.

Для разминки я взяла мягкий кнут и начала порку, в то время как ее маска заглушала любой звук, который она издавала. Звуки ударов по ее заднице наполнили тихую комнату, когда я потеряла счет тому, сколько раз я шлепала ее по заднице. Ее кожа начала приобретать все более глубокий оттенок красного, что вызвало у меня улыбку. Я захотела, чтобы несколько синяков стали приятным воспоминанием в дни моего отсутствия.

«Это только начало, сучка», - предупредила я ее.

http://tl.rulate.ru/book/798/46404